

Юрий МАМИН: "Я ОБОЖАЮ ПАРИЖ! НО ЭТО НЕ ЖИЗНЬ..."

последнее время, скажем, произвела на меня впечатление картина «Смерть ей к лицу», черная комедия, «гинольная». И мне нравится очень «Зелиг» Буди Аллена. Вот это замечательная комедия, это тонко и хорошо!

А если говорить о нас, то здесь вопрос сложен еще и потому, что у нашего народа никогда не хватало чувства юмора. Если в былые времена шла какая-нибудь успешная комедия, все говорили: фильм хороший, но пустой! Очень частая фраза: пустой фильм! Русское сознание, приученное на Белинском, на Писареве к тому, что все должно иметь какую-то идею — всегда, даже если оно само примитивное, все равно отторгнет пустышку. Сейчас молодежь, может, переделывается под влиянием американского кино — вот там пустышка идет абсолютная...

— У вас эта особенность сознания вызывает неприятие?

— Вовсе нет. Я ее воспринимаю как данность. И использую. У меня любой фильм имеет смысловую направленность. Вот, может быть, только в единственной картине, в «Бакенбардах», она была слишком определенно выражена. Но там была такая злость, которая не дала возможности ей быть полегче. Отсюда — и не очень расчленившая композиция. Нельзя под влиянием таких чувств, как злость, создавать произведения, хотя картина мне и дорога.

— И все-таки сейчас вы сняли веселый фильм, хотя, повторюсь, поводов для смеха стало куда меньше, чем несколько лет назад...

— Смешного бесконечно много. В нашей жизни — больше, чем где бы то ни было. Вот во Франции я увидел то, что у нас представить себе невозможно — они высмеивают все свои ценности! Нет ничего, что бы они не подвергли осмеянию! Они делают карикатуры на всех великих, на президентов, выступают изображающие их куклы, животные говорят их голосами...

Мы же к этому не привыкли, хотя у нас объектов для осмеяния больше, чем в той же Франции. Если на съезде вдруг выходит какой-то идиот и говорит: давайте сделаем депутатство по-жизненным и потомственным, и все голосуют, и тридцати семи голосов не хватает — я очень жалею, что они не приняли это решение! Было бы полное посмешище, этот Верховный Совет прекратил бы существовать! Он был бы осмеян.

— Юрий Борисович, ну а как так получилось, что вы едва ли не единственный комедиограф на весь Петербург?

— Как получилось? Комедиографов вообще в мире мало. Я должен сказать, что комедию сам не люблю. Могу насчитать в мировом кино меньше десяти комедий, которые мне нравятся. Некоторые французские комедии, например — «Старая дева», «Закон есть закон». Американские фильмы типа — «Быть или не быть», «Аэроплан-1»... За

ватель, им нужен кто-то, с кем бы они идентифицировались.

В моей последней картине — есть кому сопереживать. Именно поэтому я и рассчитываю на зрительский успех. Я заранее думаю: да, здесь нужна мелодраматическая линия. Зритель любит смеяться, но ему это рано или поздно надоест, и он почтует себя оскорблением. Ну что, посмеялись? А зритель ждет, что ему покажут нечто светлое. Он почему в церкви сейчас побежал? За утешением. Дайте какие-то светлые перспективы! В чем успех Невзорова? А все-таки мы «наши»! Да, в деревне, да, ворум, да, невежественные, да, хамоваты, но зато «наши»! Здесь нужно было, посмеявшись, все-таки посочувствовать и сказать: да, несчастная страна! И это примиряет.

Проблема заключается в другом: как выразить эти слова? Они ведь будут фальшивыми! За годы советской власти их так испошли, исковеркали... «Мой народ», «моя страна» — это невозможно слышать, эти слова ничего, кроме отвращения, не вызывают. Тут почти на иностранном надо разговаривать!

Вы имеете в виду предфинальный монолог, когда учитель Чижов — прекрасная, искатели, работа, Сергея Дрейдена! — обращается к детям, призываю их вернуться из Парижа на родину?

— Именно. Я долго думал, что это будет за монолог. Мы ходили с Дрейденом два дня по Парижу и разговаривали на эту тему. Я предлагал, он отвергал... Я его приучивал к тексту. Я шел ему навстречу. Мне нужно было, чтобы он это почувствовал — потому что эти слова должны быть скажаны очень искренне. И когда он играл — он плакал. А подлинная эмоция всегда заразительна. И вот уже зрители достают платки, слушая этот монолог.

— Юрий Борисович, ну а если бы в вашей квартире появилось окно, ведущее в Париж, оно, которое скоро закроется, и вам надо было сделать выбор, как и нашему герою, — вы бы, я надеюсь, там остались?

— Нет, я не могу остаться. Я прожил здесь жизнь, в течение которой пытался себя осуществить. Родина — ведь это не только языки, культура. Это друзья, коллеги по профессии, это наше взаимообогащение, соревнование... Второй раз начинать в 50 лет? Невозможно. Я не понимаю ту жизнь, хотя она мне нравится. Я обожаю Париж, я там превосходно себя чувствую. Но это не жизнь! Что бы я там снимал? Я ведь человек очень гражданско заряженный. Не могу я быть представителем «чистого искусства»! Я болею тем, что здесь происходит.

— Юрий Борисович, ну а вы себя от этой страны, от этих людей откладываете?

— Дело в том, что художественное сознание всегда, в любом случае абстрагируется от общества. Всегда есть «я» и «они». Но когда ты бичуешь общество и не даешь возможности кому-то сопереживать — как было в «Бакенбардах», это отрезает для такой массовой культуры, как кино, большую часть зрителей. Им нужно сопережи-

вать, им всегда было и есть. Отсюда рабство, ханжество необыкновенное.

Мои соотечественники часто ездят в Париж — ах, какая замечательная страна, только вот французы такие отвратительные! — Чем же? — Жадные! Я говорю: вот посмотрите на страну — она красивая, удобная, ухоженная — нерод сделал такую страну для себя. Посмотрите, где живем мы — свинская, грязная, похожая на огромную помойку, опасная, вредная. Давайте такой эксперимент проведем: возьмем наших хороших людей и посадим в эту хорошую страну Францию. А плохих французов — в нашу плохую. Я думаю, любой человек поймет, что через два месяца Париж не отличишь от нашего Мухосранска, а здесь что-то начнет происходить. Потому что французы или немцы не смогут жить в таком свинстве! К такой жизни способны только дворняги и крысы. Вот от чего меня отчаяние охватывает!

— Ну хорошо, Юрий Борисович, так что нам-то делать?

— Жить у нас! Здесь есть свои радости. Есть люди, которым плохо всегда и везде, и есть люди, которые могут прожить полноценную жизнь в любом качестве...

— Но вы своему герою так и не дали шанса остаться в Париже, войти в ту жизнь...

— Почему? Дали. Он вошел в ту жизнь. Во-первых, его приняли на работу, на высокооплачиваемое место... У него любовь появилась, он оказался нужен красивой француженке — это бывает! Я знаю много случаев, когда нашим прощелыгам и пьяницам многие женщины предлагали там остаться. Во Франции это проблема большая — очень много гомосексуалистов, многие женщины не обслужены. Можно найти себе женщину с большим или меньшим достатком и стать французом — это проблема решаемая!..

— Однако же вы вернули героя обратно!

— Ну есть у него честь, есть у него какая-то совесть! Что его могло вернуть? Это ход, который подсказан Володей Вардунасом. Чижов — педагог, и это существенно. Вернуть его может только забота о детворе. Если не заботиться о будущем, жить только сегодняшним днем — тогда возвращаться не надо... Сегодняшнего дня нет! Надо все бросить на воспитание нового поколения, на это надежда как раз есть!

— То есть уезжать сейчас из страны — поступок неблагородный?

— Нет, я никого не могу осуждать. Иногда уезжать из этой страны — это возможность спасти семью. Где жить? Ну я здесь живу, я кино ведь про себя снимаю все равно. С одной стороны, я оправдываю свое поведение, с другой — пытаюсь его объяснить себе и другим, пытаюсь примирить людей. Не все могут уехать. Не каждый может. Мир не предназначен для нас. Он по-

строен другими людьми. Когда я хожу по Парижу, восхищаюсь — я понимаю, что он не мой построен. И не моими предками. Другие люди строили его — их деды, отцы — они имеют право жить в этом мире.

— Получается так, Юрий Борисович, идеальный выход для вас, если вы о себе кино снимали, — иметь у себя дома постоянное окно в Париж?

— Да. Вы сказали абсолютную правду! С действительностью меня примирает и возможность уезжать. Самое замечательное для человека — это возможность уехать и вернуться. Наша страна никогда раньше нам такого не давала! Удалось вырваться — скатертью дорожка, все отрезано!.. А если есть возможность вернуться — это нормально, все проблемы решаются. Уезжай, попробуй устроиться. Не получится — возвращайся сюда. У кого есть желание спасать Россию — спасай ее здесь. У кого нет сильного патриотического чувства — уезжай туда...

— Возможность выехать вроде бы появилась, но что все это стоит!

— Ну я выезжаю только потому, что смог добиться определенных успехов в своей профессии.

— То есть процедурный вопрос у вас проще решается, чем у простого смертного?

— Проще, хотя тоже приходится и стоять, и звонить куда-то... Пользоваться связями, знакомствами, подарками, гешефтами.

— А деньги? Одна поездка сейчас обходится в целое состояние.

— Ну я же как режиссер что-то заработал! Это обеспечивает мне жизнь в течение нескольких месяцев. Я не бизнесмен и не нувориши. Мне нужно только самое необходимое.

— Что вы сюда включаете?

— Хороший видеомагнитофон. Лучше два, чтобы можно было переписывать. Хороший телевизор. Синтезатор, чтобы музыку сочинять или проверять. Аппаратуру, чтобы было на чем ее прослушивать. Компьютер — чтобы делать сценарии, переводить, работать с музыкой. Больше мне не нужно ничего. Ну, конечно, одеться так, чтобы можно было представить картину в Доме кино. Но — есть необходимость одеть жену и дочь. А это уже сложнее...

— Сейчас в нашей жизни очень быстро все меняется. Ваша картина неизвестно когда дойдет до зрителя. Нет у вас оплакивания, что жизнь наша изменится, картина устареет?

— И что люди захотят ехать из Парижа сюда? Нет, у меня таких опасений нет. И у вас их не может быть. Здесь жизнь на исторически обозримом пространстве не изменится, и всегда Париж будет куда привлекательней...

Беседовал
Максим МАКСИМОВ

Фото Александра БЕЛЕНЬКОГО

На премьере фильма Юрия Мамина «Окно в Париж» эстетический зал Дома кино ходил как безумный. И было отчего. Из одной сказочно-фантастической сюжетной ситуации — в комнате питерской коммуналки обнаружено потайное окно, ведущее прямо на Париж, — Мамин извлек целый водоворот хитроумнейших комических перипетий, нескончаемую вереницу разрешимых и неразрешимых недоразумений и конфликтов. А главное — бездуму юмора...

За анекдотом обнаруживалась и драма о нашей многострадальной жизни, и неожиданное комическое преломление таких тем, как западничество, эмиграция, пресловутая российская «ментальность»... Анекдот, стремительно раскручиваясь как пружина и обрастав все новыми подробностями, превращаясь в философскую притчу, все же оставался при том незатейливым анекдотом.

Прав был критик-маминовед, написавший несколько лет назад, что в основе кинематографа Мамина лежит «фонтанная система отношения искусства к действительности». Слава Богу, что нынешние финансовые трудности, заставляющие зубров кинематографа становить хандрики и жаловаться на весь мир, не смогли заткнуть «фонтаны» Юрия Мамина. И этот фонтан, поистине неиссякаемый, сумел в плотной, безнадежной стене пробить светлое «Окно в Париж».

Вот только для зрителей «Окно» откроется не скоро. Фильм является кандидатом для участия в Каннском фестивале, а потому, согласно общепринятым требованиям, до той поры в прокате он не появится.

Что же остается? Лишь одно — в ожидании выхода фильма побеседовать с самим Юрием Маминым.

— Юрий Борисович, мы вроде бы собирались перед первым апреля поговорить о чем-нибудь смешном. Но кажется, сейчас ни нам, ни всей стране не до смеха...

— Да, наверное, нынешнее первое апреля — не самый смешной день. Хотя у меня именно 1 апреля премьера картины в Москве, в Киноцентре.

— Ну а нет ли у вас ощущения, что жанр комедии сейчас... скажем, не ко времени немножко?

— Именно в такие времена как раз большая потребность в них и возникает! Они отвлекают от стереотипов обыденной жизни. Другое дело — качество комедий и вкусы тех, кто их делает, это мы в расчет не берем... Но стремление посмеяться, отвлечься — оно есть.

Но во-вторых, моя картина... не очень...